

На правах рукописи

ТВОРОГОВ Андрей Евгеньевич

**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ РУССКОГО СЕВЕРА**

Специальность 22.00.06 – Социология культуры, духовной жизни

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Москва – 2005

Работа выполнена на кафедре прикладной социологии
Российского государственного гуманитарного университета

Научный руководитель –

доктор социологических наук,
Грипина Е.А.

Официальные оппоненты –

доктор социологических наук,
Болотин И.С.

кандидат социологических наук,
Рязанцев В.В.

Ведущая организация –

Институт аграрных проблем РАН

Защита состоится 20 декабря 2005 года в 15 часов на заседании диссертационного совета Д. 212.198.09 в Российском государственном гуманитарном университете по адресу: 125993, Москва, ГСП – 3, Миусская пл., д.6, ауд. № 379

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Российского государственного гуманитарного университета.

Автореферат разослан 18 ноября 2005 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Буланова М.Б.

2006-4
26484

2247/36

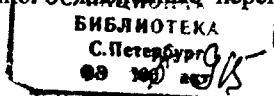
Общая характеристика работы

Актуальность социологического изучения «сельской проблематики» в постсоветском обществе обусловлена тем, что картина социальных трансформаций, происходящих в сельском социуме, остается почти непрозрачной для исследователя. В то же время, фиксируются и активно обсуждаются внешние, видимые негативные последствия происходящих социальных перемен. В их числе - маргинализация и депопуляция обширных территорий, неблагоприятные демографические и инфраструктурные условия, сократившаяся государственная поддержка села, сложности в организации хозяйственной, повседневной и социокультурной жизни в сельской местности. Особенно это касается нечерноземной полосы, на европейской территории России совпадающей преимущественно с областью Русского Севера. Здесь наиболее заметны те «следы», которые оставляли в традиционном сельском укладе и ментальности высокие темпы социальных изменений в России XX-XXI веков, в том числе - темпы урбанизации, сопровождавшейся «раскрестьяниванием» российского населения.

Действительно, крестьянство длительное время численно преобладало в составе населения России и во многом определяло социокультурный ландшафт страны. В начале XX века сельское население составляло абсолютное большинство, к концу 1926 г. - более трех четвертей (82%). В 1961 г. численность сельского населения составила менее половины. Но удельный вес сельского населения в России все еще очень велик. По итогам Всероссийской переписи населения 2002 г. на территории Российской Федерации в сельской местности проживает почти 39 млн. человек или 27% от общей численности населения.

Важным представляется также следующее обстоятельство: подавляющая часть российских горожан - это выходцы из сельских мест. Большинство - во втором поколении, но многие - даже и «в первом». Практически у всех жителей городов есть крестьянские предки или современные деревенские родственники. Получается, что культурное «поле» городов в значительной мере определяется тем, что привнесли и привносят в него жители российских сел и деревень, впрочем то же можно сказать о влиянии города на сельский социокультурный контекст: мигрирующие между «городом и деревней» жители создают эффект своего рода культурной диффузии, когда через повседневные практики происходит взаимопроникновение ценностей, специфических черт ментальности, взглядов на жизнь.

Социокультурная идентичность сельских жителей выступает важным индикатором, отражающим изменяющиеся условия внешней среды, регистрирующим различные аспекты трансформации сельского социума. Содержание социокультурной идентичности, основания, по которым она «собирается», определяют основу жизненных стратегий жителей села. Эти жизненные стратегии в их совокупности, в свою очередь, определяют новые изменения в социальной структуре села, формирование социокультурного ландшафта сельских территорий, соответствующие перспективные

проживающих в сельской местности людей. Анализ идентичности в поколенческом измерении может дать новое видение таких проблем села, как продолжающийся интенсивный отток молодежи, возможности адаптации среднего и старшего поколений к изменяющимся условиям среды.

Обновление предметного поля и методологического инструментария социальных наук актуализирует смену акцентов в изучении сельской проблематики. Отечественная гуманитаристика постепенно переориентируется от изучения макроуровневых структур, основанного на позитивистском подходе и экономическом детерминизме, к гуманистической парадигме с ее вниманием к малым группам и общностям, сфере сознания и повседневности. Это определяет новые постановки проблем, обуславливает приоритет качественных методов исследования (case-study, биографический метод, нарративный анализ). Жители села уже не рассматриваются только как производное от социальной структуры, но и выступают участниками конструирования реальности. Исследование идентификации сельских жителей в этом новом ключе представляется нам одной из важнейших предпосылок для понимания современных сельских реалий.

Степень разработанности проблемы.

Тема настоящего исследования лежит на пересечении научных направлений, связанных с изучением социальной идентичности и социокультурных особенностей сельского сообщества.

Группа теорий, связанная с проблематикой идентификации и идентичности, широко представлена в классической и современной научной литературе. Основу этой предметной области составляют труды таких авторов, как М. Вебер, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, где проблема идентификации рассматривается, прежде всего, как онтологическая, в контексте объективных закономерностей развития общества. Механизмы становления самосознания в процессах социальных коммуникаций анализируются П. Бергером, И. Гофманом, Т. Лукманом, Дж. Мидом, А. Шюцем; трансформационные аспекты идентичности в современном мире представлены в трудах З. Баумана, Э. Гидденса, В. Хёсле. Такие авторы, как Ч. Гордон, Ч. Кули, Т. Шибутани, ставят акцент на рассмотрении личности как субъекта, «творящего», активно формирующего свою идентичность; ценностный аспект идентичности классически представлен у П. Сорокина в рамках теории социокультурной динамики.

В отечественной науке основы для изучения идентичности заложены в начале XX века представителями субъективной социологической школы (П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев и др.).

Идентичность и идентификация стали объектом изучения многих современных российских социологов: в трудах И.С. Кона рассмотрено становление самосознания личности, социализация, культурно-историческая обусловленность социальной идентичности; особенности «советской» и «постсоветской» идентичности анализируются Ю.А. Левадой, В.А. Ядовым, Е.Н. Даниловой; «нарративная» идентичность рассматривается Е.А. Здравомысловой, А.А. Темкиной, Е.Ю. Мещеркиной; «негативная» - Л.Д.

Гудковым; этническая сторона идентификации - Л.М. Дробижевой, Е.В. Улько; цивилизационная - В.И. Кашириным. Структурные аспекты социальной идентичности освещаются в работах Н.А. Шматко и Ю.Л. Качанова, семиотику идентификации анализировал Л.Е. Бляхер и т.д.

При всей обширности теоретической базы идентичности, обилии исследовательских материалов и научных текстов, посвященных данной тематике, складывается фрагментарная, мозаичная картина проблемного поля. Поскольку идентичность и идентификация рассмотрены в различных областях гуманитарного знания, и в условиях отсутствия разработанного междисциплинарного подхода, способного соединить разрозненные аспекты проблемы, воспользоваться накопленной базой знаний оказывается затруднительно. Автор настоящей работы полагает, что именно социологический контекст может выступить интегрирующим основанием, позволит применить имеющиеся теоретические наработки для изучения идентификации конкретных социальных групп, социокультурной идентификации различных поколений сельских жителей.

Поколенческая проблематика нашла свое отражение также в ряде дисциплин: истории, психологии, этнографии, демографии. Большинство отечественных и зарубежных авторов отказывается от однозначного рассмотрения поколения, включая в эту категорию демографическую (когорта) и культурно-историческую (символическое поколение) составляющую. В новейшей отечественной социологии значительное внимание уделено проблемам, связанным с изучением поколения современной молодежи (И.М. Ильинский, Е.А. Гришина, А.И. Шендрик и др.), «советского поколения» и «поколения перестройки» (Ю.А. Левада, Б.В. Дубин, Н.Н. Козлова и др.), общей поколенческой организации российского общества и вопросам теоретического осмысления самой категории поколения (Н.В. Шахматова, М.Б. Глотов, Б.В. Дубин и др.).

Группу теорий, представляющую «сельское» направление социологии, составляют зарубежные и отечественные работы о сущности крестьянского сообщества и его структуре. Проблемы фермерства исследовали Р. Редфильд, Д. Торнер, Т. Шанин., Р. Дюмон, Г. Робинсон, М. Нэш; крестьянскую культуру - Дж. Скотт, Ф. Бэйли, Дж. Берджер; взаимоотношения крестьянства и власти - Э. Хобсбаум, Э. Вольф, Г. Алави.

Отечественная социология села представлена, прежде всего, работами советского периода. Несмотря на некоторую неравномерность разработки сельской проблематики, следует отметить, что с 1960-х гг. деревне уделялось значительное внимание. В этот период складывается разнонаправленный по тематике спектр исследований сельского общества: социальная структура сельского населения (Ю.В. Арутюнян, В.И. Староверов), миграция сельского населения (В.И. Староверов, Т.И. Заславская, В.И. Переведенцев, Г.Ф. Морозова), бюджеты времени и образ жизни сельского населения (В.А. Артемов, Р.В. Рыбкина), материальное благосостояние и уровень жизни (М.Л. Можина, Т.Е. Кузнецова, З.И. Калугина, Шапошников А.Н.), труд в сельском хозяйстве, трудовые коллективы колхозов и совхозов, управление

производством (Л.В. Никифоров, Т.Е. Кузнецова, И.Т. Левыкин, В.А. Калмык). Однако в пореформенный период 1990-х гг., в силу ряда причин, сельский социум для академического сообщества оказался «отложенным объектом» изучения. Крупные комплексные исследования села были фактически прекращены.

Освободившуюся нишу заполнило новое междисциплинарное направление, обозначившее себя как «крестьяноведение». В его русле началось изучение «новых», по отношению к советской социологии, проблем российского села: неформальной экономики, сетей межсемейной поддержки, стратегий адаптации сельских жителей, семейных бюджетов, сельской повседневности. Среди разработок такого рода здесь можно отметить труды О.П. Фадеевой, В.Г. Виноградского, И.Е. Штейнберга, А.М. Никулина, Н.В. Голубцова и др.

Вместе с тем, интенсивное развитие экономических исследований деревни недостаточно дополнено изучением разнообразных сторон сельской культуры. Можно говорить лишь о попытках приближения к этой проблематике. Например, динамику жизненных ценностей сельской молодежи предпринял П.А. Михеев¹, образом жизни современного сельского учительства занималась Г.Г. Силласте². Исследования особенностей организации сельского сознания, социокультурной идентификации, сельского культурного ландшафта велись в рамках «несоциологических» дисциплинарных матриц: социальной психологии, антропологии, культурологии, социолингвистики. К тому же, большая часть этих работ, выполненная по отношению к историческим общностям, мало отражает современное состояние сельского социума.

Проблематика поколенческой специфики социокультурной идентификации жителей села лежит на перекрестке нескольких относительно автономных исследовательских направлений, которые почти не находят пересечения ни в теоретических, ни в эмпирических исследованиях, таких, например, как тема идентичности, тема села, тема культурных поколений и т.п.

Существуют и другие, вполне объективные, причины слабой разработанности проблематики, заявленной в данной диссертационной работе: труднодоступность и непрозрачность объекта (сельского социума), и, соответственно, возникающие методические и методологические ограничения, связанные с недостаточной разработанностью методик и инструментария для анализа таких специфических «вещей», как сознание, повседневность, ценностные структуры различных общественных групп и т.п.

Таким образом, обзор научной литературы позволяет обозначить тему социокультурной идентификации сельских жителей современной России как малоизученную и незначительно представленную в социологической науке.

¹ Михеев П.А. Динамика жизненных ценностей сельской молодежи // Социологические исследования, 2005, №1, С. 91-94.

² Силласте Г.Г. Сельское учительство: образ жизни и адаптационный ресурс // Социологические исследования, 2002, №9, С. 50-59.

Объект исследования – сельское население Русского Севера.

Предмет исследования – особенности поколенческой социокультурной идентичности современных сельских жителей Русского Севера и тенденции ее трансформации.

Цель исследования – дать характеристику сущности и содержания социокультурной идентичности жителей современной северной деревни и выявить факторы ее воздействия на социальную динамику сельского социума.

В рамках поставленной цели предполагается решение следующих задач:

1. Рассмотреть основные этапы становления социологии села, проанализировать классические и современные теоретические подходы к изучению социокультурной идентичности, социальной идентификации.

2. Проанализировать социально-демографические и социокультурные изменения сельского населения Русского Севера в постсоветский период.

3. Разработать модель социокультурной идентичности сельских жителей Русского Севера.

4. На основании анализа данных эмпирических исследований охарактеризовать общие и специфические черты социокультурной идентичности трех поколений сельских жителей Русского Севера.

5. Выявить связь между типом поколенческой идентичности сельских жителей и их жизненными стратегиями.

6. Изучить влияние социокультурной идентичности сельских жителей на трансформацию сельского социума.

Теоретические и методологические основы исследования.

В основе диссертационного исследования лежит феноменологическая традиция, а также элементы постструктуралистского и функционального подходов в социологии.

При построении модели социокультурной идентичности использовались теоретико-концептуальные положения, почерпнутые из работ П. Бергера и Т. Лукмана, Э. Гидденса, П. Бурдьё, М. Мид, В.А. Ядова, Ю.Л. Качанова.

Анализ эмпирического материала опирается на интеграцию в социологический контекст ряда теоретико-методологических конструктов различных областей гуманитарного знания: теория анализа дискурса (П. Серио), структурный функционализм антропологической школы (М. Мид), анализ биографических нарративов (П. Томпсон, Е.Ю. Мещеркина), методология анализа «человеческих документов» (Н.Н. Козлова), микросоциологическое направление и case-study.

При подготовке и проведении полевого исследования, были применены положения методологии «двойной рефлексивности» (Т. Шанин), практические разработки Е.М. Ковалева и И.Е. Штейнберга, подробно рассмотревших специфику проведения полевых социологических исследований в сельской местности.

Эмпирическую базу исследования составили:

1. *Авторское социологическое исследование «Социокультурная идентичность деревенских жителей как основание для конструирования сельского социума»*, выполненное с использованием качественно-количественных методов в течение 2003 – 2005 гг.:

1.1. Анкетный опрос (сплошной) учащихся старших классов средних школ деревень: Логдуз, Плешкино, Кокшарка, Городищево, Исаково, Козлец, Ляменьга (Подболотье), Сумино, Безгачиха, Бучиха (Вологодская область).

1.2. Контент-анализ школьных сочинений и учебных краеведческих работ.

1.3. Глубинные интервью с сельскими жителями пожилого и старшего возраста (всего 18 интервью, собранные на территории 5 населенных пунктов 3-х периферийных районов Вологодской области: Логдуз, Плешкино, Еремино, Качуг, Космаревская Кулига).

1.4. Анализ данных архива Центра крестьяноведения и аграрных реформ за 1990 – 1996 гг. (биографические нарративы/«семейные истории»/интервью, собранные на территориях Вологодской и Архангельской областей; всего 48 человек, 16 семей, относящихся к старшему и среднему поколениям).

1.5. Включенное наблюдение: в течение года автор участвовал в деревенских и семейных праздниках, присутствовал на школьных занятиях и мероприятиях, проводил беседы со школьниками и учителями, наблюдал за работой учреждений социальной сферы села (сельская администрация, библиотека, клуб, почта). Это определило специфику исследования, в основу которого положены материалы исследования случая (case-study), типичных для сельской периферии Русского Севера деревень Логдуз, Плешкино, Ляменьга, Исаково.

2. Вторичный анализ данных:

2.1. Социально-психологическое исследование «Психологические особенности личности в условиях традиционной преемственности русской деревни», Московский государственный педагогический университет (1996 – 2001 гг., Каргопольский и Плесецкий районы Архангельской области, под. рук. А.С. Обухова); социально-географическое исследование «Территориальная организация сельскохозяйственной деятельности в Европейской части современной России», Институт географии РАН (1996 – 2003 гг., Т.Г. Нефедова);

2.2. Статистические данные всероссийской переписи населения 2002 г., сборников Госкомстата России, демографических ежегодников, региональных статистических материалов, а также учетная документация сельских администраций.

Положения, выносимые на защиту и научная новизна исследования.

1. Разработаны методологические основания сравнительного анализа социокультурной идентификации различных поколений сельских жителей. Выявлено, что социокультурная идентичность трех поколений сельских жителей имеет общие и специфические черты. В структуре идентичности поколений обнаружено устойчивое ценностно-смысловое ядро, которое

определяет *общий ситуационный характер* идентичности. Прочие составляющие социокультурной идентичности образуют подвижную «оболочку», включающую элементы, подверженные изменениям, замещению или вытеснению и определяющую специфику поколенческих различий идентичности.

2. Выявлено, что ценностно-смысловое ядро социокультурной идентичности сельских жителей реализуется в общих для всех поколений ментальных клише, практиках, жизненных приоритетах и социальных «техниках». Групповое «мы» превалирует над «я»; выбираются принципы моральной экономики; в конфликтных ситуациях используются приемы уклонения/пассивного сопротивления/приспособления; предпочтения отдаются разрешению конфликтов *внутри* сообщества; фиксируется абсолютное господство личных связей и т.д. Присутствует особая организация языковой нормы и специфическое построения нарратива: единство говора и наличие общедеревенского лексического поля, неразличение «устаревшего» и «современного» в языке, осовременивание истории и т.п.

3. Определено, что поколенческие различия социокультурной идентичности сельских жителей проявляются в смысловой инверсии традиционных ценностей и связанных с ними социальных практик, приобретающих фрагментированный характер. Прежде всего, это фиксируется в трансформации трудовой и праздничной сторон жизни: от их сопряженности в синкретичной целостности через функциональное разделение труда и культуры на самостоятельные практики к выхолащиванию содержания того и другого в современности. Ремесленные навыки вытесняются экспансией товарной продукции, а деревенский праздник трансформируется в досуг и переводится в формат городской инсценировки. Традиционная организация труда-праздника (агарно-календарный праздничный цикл, «беседы», «вечерки») замещается модернистскими структурами (клуб, школа, библиотека) и когнитивно-нормативными темами (индивидуация, абстракция, деньги, прогресс и т.п.).

4. Выделены основные факторы, влияющие на формирование социокультурной идентичности различных поколений сельских жителей Русского Севера. Наибольшее влияние на формирование *общих черт* идентичности, свойственных всем поколениям сельских жителей оказывает собственно сельская среда проживания и периферийность сельского социума. Показано, что чем периферийнее населенный пункт, тем лучше в нем сохранность элементов традиционной культуры. Локальность сельского сообщества, малая численность поселений, определяют приоритет коротких связей личного типа; характер труда предполагает связь хозяйственной деятельности с природной средой и т.п.

Поколенческие различия идентичности формируются под влиянием экспансии урбанизма, ведущей к общей унификации окружающего социокультурного пространства. Происходит сдвигение от многообразия «сельских миров» к их однородности, что сместило границы соотнесения сельского социума с позиций «деревня-деревня» (старшее и среднее поколение)

к оппозиции «деревня-город» (младшее поколение). При этом происходит трансформация постфигуративного типа передачи социокультурного опыта (от старших-родственников) к кофигуративному с ориентацией на собственное поколение и на старших извне сельского сообщества, либо из вторичных групп (например, учителя). Для младшего поколения уже не существует целостности «традиционного бытия», оно дифференцировано на культурную, хозяйственную и социальную сферы.

5. Зафиксировано, что жизненные стратегии поколений существенно различаются. Старшее поколение, сохраняя традиционный характер идентичности, способно, по мере необходимости, воспроизводить традиционные практики и использовать их как адаптационные, оставаясь в деревне. Идентичность среднего поколения носит эклектичный характер и в силу потери многих традиционалистских приспособительных практик, имеет низкую («негативную») способность к адаптации. Они вынуждены оставаться в деревне, но при этом находятся в конфликте со средой и демонстрируют стратегию пассивного выживания. Молодежь свои жизненные перспективы связывает исключительно с городом, и при наличии благоприятных обстоятельств уезжает. Такая стратегия во многом определена сложившейся у молодежи структурой идентичности. Происходит «принудительно-добровольная» урбанизация сознания младшего поколения сельских жителей, традиционные ценности замещаются модернистскими.

6. Проанализирована взаимосвязь между трансформациями социокультурной идентичности и изменениями «сельского социума». Выявлены социально-конструирующие ресурсы поколений. Старшее поколение демонстрирует способность возврата к традиционным практикам и формам «жизни сообща», но практически не передает их последующим поколениям. С уходом из жизни старшего поколения сельских жителей как носителей традиционной социокультурной идентичности, происходит сжатие традиционного сельского социокультурного «ландшафта». Среднее и младшее поколение способствуют его функционализации и прагматизации, «оповседневниванию» на принципах городской организации жизнедеятельности.

7. Показано, что проникновение «крестьянских» ценностей в городской социум и урбанистических – в сельское сообщество являет собой род культурной диффузии и способствует формированию соотносимых типов идентичности в городе и селе. В перспективе возможно достижение состояния, близкого к социокультурной однородности и создание унифицированного «сельско-городского» континуума.

Практическая значимость исследования.

Основные практические выводы, полученные в диссертации, могут быть использованы при разработке региональной политики относительно сельской периферии. На основании материалов диссертации возможно выполнение среднесрочного и долгосрочного прогнозирования развития социально-демографической ситуации в регионах Русского Севера.

Теоретические положения диссертации могут быть включены в более широкий контекст исследовательского направления, изучающего процесс и последствия модернизации больших социальных общностей.

Материалы исследования также могут быть использованы в преподавании курсов социологии села, социологии культуры, демографии, антропологии и этнографии, социальной психологии и социолингвистики.

Апробация работы.

Основные положения диссертации обсуждались на заседаниях кафедры прикладной социологии Российского государственного гуманитарного университета. Теоретические положения и эмпирические данные исследования использовались на семинарских и лекционных занятиях в учебном курсе «социология культуры» для студентов Вологодского государственного педагогического университета в 2004 г. Отдельные аспекты, связанные с проблематикой сельской социокультурной реальности, нашли отражение на страницах региональной периодической печати и Интернет-изданиях.

Материалы, выводы, концептуальные положения диссертационной работы докладывались на V Международной научной конференции «Россия: тенденции и перспективы развития» (Москва, 2004), IV Студенческой социологической конференции РГГУ «Наша социология: исследовательские практики и студенческое самоуправление» (Москва, 2005), Международной научно-практической конференции «Региональная социология: состояние, проблемы, перспективы» (Горки, Республика Беларусь, 2005), Летней школе аспирантов «Гуманитарные технологии и глобальное лидерство России» (Москва, 2005).

Структура диссертации.

Диссертационная работа состоит из введения, двух разделов, заключения и списка использованной литературы.

Основное содержание работы

Во введении раскрывается актуальность темы исследования, дается характеристика состояния и степени разработанности проблемы, определяются цель и задачи диссертационного исследования, формулируется новизна результатов и основные положения, выносимые на защиту.

Первый раздел «Методологические основы изучения социокультурной идентичности сельских жителей» содержит анализ особенностей развития отечественной социологии села и теоретических концепций идентичности и идентификации. Автором производится операционализация используемых в работе понятий, конструируется теоретико-методологическая модель изучения проблемы социокультурной идентичности сельских жителей.

В первом параграфе «Социология села: этапы становления и перспективы развития» отмечается, что в зависимости от историко-культурного контекста отечественная социология села акцентировала внимание на различных тематических областях. В отдельные периоды сельская

проблематика вообще уходила из сферы научных интересов (вторая половина 30-х гг. – первая половина 50-х гг. XX в.). Социальные изменения в российском обществе 90-х гг. XX века поставили вопрос о существовании собственно объекта сельской социологии, поскольку прежний объект (колхозное крестьянство) утратил свою актуальность.

Автор констатирует, что проблемное поле сельской социологии на протяжении XX столетия многократно меняло свою конфигурацию и показывает связь этих изменений с государственной политикой в социально-экономической, идеологической и научной сферах. В XIX в. исследования деревни в России носили, преимущественно, этнографически-описательный характер. Оформление собственно сельской социологии, как научной отрасли с разработанным теоретико-методологическим инструментарием и ориентацией на социально-экономические проблемы больших и малых социальных групп (от крестьянской семьи до крестьянства-класса), происходит в послереволюционный период. Диссертант отмечает, что со второй половины 30-х гг. XX в. конкретные исследования села были прекращены. Под запретом оказались и марксистский («партийно-ориентированные исследования села») и «немарксистский» (организационно-производственное направление») методы изучения крестьянства. После длительного перерыва, в 1960-е гг. возникает целый спектр исследований советской деревни, инициированных в рамках государственной аграрной политики и отвечающих соответствующим запросам. В этих проектах проявился ярко выраженный макросоциологический подход. Большинство работ 1960-х – 1980-х гг. носили описательный характер и отражали макроструктуру сельской среды, процессы в материально-хозяйственной и демографической сферах.

Диссертант отмечает, что имеющаяся в рамках сельской социологии база знаний не дает целостной картины сельского социума, фактически неисследованными остаются культурная и духовная составляющие сельской жизни. До настоящего времени вопрос изучения социокультурной идентичности сельских жителей не ставился в принципе.

Автор считает, что современная отечественная социология села проявила себя, прежде всего, в расширении проблематики, связанной с изучением села, и в смене тематических акцентов. Произошло переключение внимания с крупномасштабных описаний на мезо- и микро- уровни. Однако сохранилось периферийное отношение к социокультурной сфере жизни села, к изучению особенностей сельского сознания, идентичности, ценностных и когнитивных структур. По мнению диссертанта, эта проблематика, находящаяся в ряду важных факторов, которые влияют на эволюцию сельского социокультурного ландшафта и общий процесс трансформации деревни, явно недооценена.

Отмечается сложность анализа социокультурной идентичности как предмета, лежащего в поле изучения различных научных направлений. В исследованиях, относящихся к разным дисциплинам, все чаще предпринимаются попытки выработать единый междисциплинарный подход. Решить эту задачу пытаются, например, философия и культурология. Но рассмотрение конкретных работ в этих областях знания показывает, что

попытка междисциплинарного синтеза оказалась не вполне успешной. Автор считает, что именно социологический контекст позволит интегрировать достижения отечественной гуманитаристики в изучении села и сформировать целостный взгляд на современный сельский социум.

Предпосылкой, определяющей перспективы дальнейшего развития сельской социологии, выступает осознание многомерности социального мира, нелинейности исторического развития. Это позволяет говорить о «множественных реальностях», «сельских мирах», которые не вписываются в концепты, основанные на бинарных типологиях: капитализм–социализм, рынок–государство, индивидуализм–коллективизм. Симптоматично появление такого направления как «крестьяноведение», претендующего на синтезирование методологического опыта и базы знаний истории, антропологии, культурологи и т.п. в единое целое на основе социологического дисциплинарного стержня.

Второй параграф «Идентичность в социокультурном и поколенческом измерениях» раскрывает содержание используемого в диссертации категориального и понятийного аппарата. На основании операционализации понятий конструируется модель социокультурной идентичности и формулируются гипотезы.

В качестве базовых понятий выступают социокультурная идентичность и социокультурная идентификация. В теоретической социологии и конкретных исследованиях эти термины остаются слабо разработанными. Различие между идентичностью и идентификацией состоит в том, что под *идентичностью* понимается некое состояние, а под *идентификацией* – процесс, ведущий к этому состоянию. При исследовании идентичности раскрываются ее *содержательные* характеристики, при изучении идентификации рассматривается *механизм* формирования идентичности. Исследование, предполагающее не только описательную, но и аналитическую составляющую, с необходимостью должно рассматривать обе эти стороны в неразрывном единстве. В соответствии с этим подходом, под *социокультурной идентификацией* понимается *процесс* отождествления ценностных установок и представлений личности с ценностными установками и ориентирами определенных социальных групп (поколений, в том числе), а под *социокультурной идентичностью* – *совокупность* отождествлений личности с точки зрения ее самоопределения по отношению к различным социальным общностям и группам.

В процессе становления идентичности имеют значение целерациональные механизмы идентификации. В качестве объектов социальной идентификации в этом случае преобладают т.н. вторичные и современные группы. Индивид является субъектом своей идентичности, автором, конструирующим собственное идентификационное пространство. Для идентичности также имеют значение ценностно-ориентационные механизмы, представленные первичными (семья, ближайшее окружение) и примордиальными (архаичные, традиционные) группами. Эти механизмы находят свое выражение в обыденном общении, языке культуры, его символике

и социально-культурных смыслах общения, становящихся смыслами собственного мироощущения индивидов. Такая идентичность, формируемая социумом, первичными группами, является характерной для человека традиционных обществ. Актор здесь выступает в качестве объекта идентификации. Детерминация же идентичности, прежде всего ансамблем личностных диспозиций, – признак современного общества (Модерн).

Выделение в структуре идентичности ценностно-ориентационных и целерациональных механизмов соотносится с категориями ситуационной и трансверсальной идентичностей. *Ситуационная* социальная идентичность – это идентичность, непосредственно обусловленная ситуацией, связанная с актуальной практикой. Человек в данном случае не выступает в качестве создателя своей идентичности, ситуационная идентичность как бы непроизвольно навязывается извне. Такая идентичность имплицитно включена в мировоззрение индивида объективными факторами его существования «здесь и сейчас» (язык и культура, место жительства, первичная социализация). Актор не является субъектом в силу того, что ситуационная социальная идентичность не интегрируется с личностными смыслами и чувственной тканью индивидуального сознания.

Трансверсальная социальная идентичность (она же личностная, надситуационная) детерминирована не сиюминутной социальной ситуацией, а позицией индивида в социальном пространстве, всем его социальным опытом, и поэтому лишь опосредованно связана с актуальными условиями и предпосылками практики субъекта. Она делает человека относительно независимым от внешних и внутренних ограничений его актуальной практики. Это означает, что индивид может объективировать свои идентичности, относиться к ним в качестве субъекта. Здесь «Я» актора срастается с его позицией. Социальная идентичность выступает как осознанный и принятый человеком смысл его позиции в социальном пространстве. Ситуационные идентичности выступают в качестве «строительного материала» для трансверсальных идентичностей. Собственно с трансверсальной идентичностью связано появление *самоидентичности* как рефлексивно организуемого усилия субъекта.

Одним из наиболее значимых структурных элементов социокультурной идентичности является *поколенческая идентичность*. Под поколением в диссертации понимается объективно сложившаяся социально-демографическая и культурно-историческая общность, объединенная границами возраста и общими условиями формирования и функционирования в конкретно-исторический период времени. Такой подход предполагает рассмотрение поколения: а) как социальной общности людей в определенных возрастных границах, для которой характерны схожие условия социализации и жизнедеятельности, типичные потребности и ценностные ориентации (так называемое реальное поколение – совокупность *ровесников*, образующая возрастную группу – когорт), б) как условного или гипотетического поколения, объединяющего *современников*, причастных к тем или иным конкретным событийным коллизиям и занимающих сходное местоположение в

социальном пространстве. Рассмотрение группы через его пространственно-временную локализацию позволяет типизировать ее жизненный опыт, мировосприятие. Причастность поколения к той или иной событийной канве детерминирует набор поведенческих стилей, ориентаций, адаптационных стратегий, оценку настоящего и будущего.

Таким образом, мы определяем три «реально-условных» поколенческих группы: «старшее» поколение, пережившее события раскулачивания и коллективизации (сельские пенсионеры, родившиеся не позднее 1930-х гг.), «среднее» - времени «хрущевских» сельхоз-экспериментов и «брежневского застоя» (люди трудоспособного возраста, родившиеся в 1940-1960-е гг.) и «младшее» поколение, прошедшее первичную социализацию в условиях построения новой российской государственности, коренной трансформации деревенской жизни (молодежь, родившаяся в период 1980-1990-х гг.). В нашем исследовании сельская молодежь представлена, в основном, учащимися сельских школ³.

Характеризуя социокультурную поколенческую идентификацию следует различать внутри- и межпоколенческую идентификацию. Социокультурная *внутрипоколенческая идентификация* предполагает соотнесение индивида с ценностными ориентирами и установками представителей собственной поколенческой группы, ее характерными особенностями проговаривания реальности (язык) и практиками повседневности. *Межпоколенческая идентификация* – процесс сопоставления ценностей своего поколения с ценностями и установками других поколенческих групп, механизм трансляции социокультурного опыта между поколениями.

Соотношение межпоколенческой и внутрипоколенческой составляющих идентификации обуславливает общий характер процесса идентификации поколения и указывает на постфигуративный, кофигуративный, либо префигуративный тип культуры⁴. В первом случае, младшее поколение усваивает опыт старших представителей первичных групп, во втором – образцом для поведения оказываются преимущественно представители собственного поколения или/и образцы/нормы/ценности, привносимые извне локального сообщества: СМИ, старшими, относящимися к кофигуративному типу культуры (вторичные группы), наконец, в третьем варианте старшие преимущественно учатся на опыте младшего поколения.

В структуре социокультурной идентичности мы выделяем такие группы элементов анализа как: ценностные установки и ориентации (например, отношение к труду); когнитивные структуры сознания (например, организация

³ Предпринятая группировка имеет отчасти искусственный характер, формируя «идеально-типические» поколения, позволяющие сфокусироваться на основных вариантах. Фактически «выпадают» родившиеся в 1970-е гг.: в силу специфики времени, на которое приходится первичная социализация, они, в данной работе, не могут быть отнесены ни к среднему, ни к младшему поколениям.

⁴ Мид М. Культура и преемственность. Исследование конфликта между поколениями // Мид М. Культура и мир детства / Избр. произведения. Пер. с англ. – М: Наука, 1988. – С. 322-361.

памяти); особенности мировосприятия, связанные с языковыми нормами проговаривания реальности, а также находящие выражение в практиках повседневности (сети внутридеревенских отношений, праздники и т.п.). В каждой группе элементы, обладающие повышенной устойчивостью, большой инерционной возможностью к воспроизводству и минимизированной изменчивостью, образуют *ценностно-смысловое ядро*, а элементы, подверженные при определенных условиях существенной трансформации: замещению или вытеснению другими элементами – *подвижную оболочку*.

Таким образом, многоуровневая модель, в соответствии с которой мы будем раскрывать проблему социокультурной идентификации сельских жителей, будет носить дискриптивно-аналитический характер, сочетая описание содержания идентичности (через структуру «ядро-оболочка») с анализом механизма и факторов идентификации (через отнесение к пост- или кофигуративному типу культуры), обусловивших *специфику* идентичности разных поколений.

Исходя из теоретической модели, ядро идентичности составят элементы, имеющиеся в своей основе у представителей всех трех поколений сельских жителей. Это ментальные и когнитивные структуры сознания человека по сути традиционного локального сообщества, не зависящие от возобладавшего типа культуры. Единство этих структур для разных поколений обусловлено общим проживанием в условиях сельской местности. *Гипотеза* состоит в том, что глубинной трансформации идентичности, затрагивающей ее культурное ядро в условиях сельского социума не происходит. Ценностные ориентации, идеалы, установки, отдельные практики повседневности несут ситуационный характер, нерелексированы, основаны на актуальных в условиях села элементах традиционного сознания.

Внешняя оболочка характеризуется межпоколенческими различиями и определяется возобладавшим в поколении механизмом идентификации (типом культуры). В связи с этим, *дополнительная гипотеза* исходит из того, что во взаимоотношениях поколений образуется разрыв посредством изменения механизма идентификации: постфигуративный тип культуры постепенно преобразуется в кофигуративный (молодежь усваивает образцы поведения преимущественно в среде сверстников и через внешние по отношению к сельской общности заимствования у «старших»), меняя соотношение традиции и современности от поколения к поколению в пользу современных ценностей. Тем самым трансформируется общий контур социокультурной идентичности поколения.

Во втором разделе «"Сельская" идентичность в трансформирующемся обществе (на материалах Русского Севера)» анализируется состояние сельской социокультурной среды, определяющей особенности процесса идентификации в условиях Русского Севера, характеризуется специфика социокультурной идентичности трех поколений сельских жителей и ее влияние на формирование жизненных стратегий.

В первом параграфе «Эволюция сельского социокультурного ландшафта Русского Севера» анализируются социально-экономические, демографические, природные аспекты жизненного пространства сельских жителей Русского Севера, его современное состояние и развитие. Понятие «Русский Север» указывает на объективно сложившуюся в северной части европейской России историко-культурную территорию. Специфика севернорусского социокультурного ландшафта⁵ обусловлена суровостью климатических условий, обширностью и малой заселенностью территории, периферийностью своего положения относительно исторического центра страны, а также культурным своеобразием, возникшим в результате слияния новгородского, ростово-суздальского и финно-угорского элементов. Сочетание таких особенностей формирует общность людей, которой присуще не только определенное сходство образа жизни (повседневности), но и единство разделяемых ценностей, когнитивных установок, мировоззренческих представлений. Эволюция среды жизнедеятельности и изменения в сознании, населяющих территорию людей – взаимно детерминированы. Поэтому изучение социокультурной идентичности сельских жителей в динамике, а также выявление факторов ее конструирования, невозможно без предварительного погружения в контекст организации сельского пространства Русского Севера и понимания общих тенденций развития современной сельской среды.

Сельские жители составляют почти треть населения Русского Севера. Если по России в целом соотношение городских и сельских жителей сохраняется на уровне переписи 1989 г., то на Русском Севере продолжается сокращение сельского населения. В Вологодской области доля сельских жителей с 1989 по 2002 гг. снизилась на 4%. В 2002 г. на территории России выявлено более 8% сел и деревень «без населения», а на территориях Вологодской и Архангельской областей, этот показатель в два раза выше среднего по стране (более 16%).

Село Русского Севера не является однородным по своему положению в общей сельской расселенческой структуре. В качестве критериев районирования сельской местности можно выделить пороговые значения *природной, позиционной и демографической* маргинальности. Понятие маргинальности здесь означает близость тех или иных условий, важных для хозяйственной деятельности сельского социума, к критическим пределам возможностей его существования. Территории Русского Севера в силу природно-климатических факторов относятся к полумаргинальным (большая

⁵ Опираясь на положения Конвенции ЮНЕСКО «О сохранении культурного и природного наследия», под сельским социокультурным ландшафтом автор понимает пространство, объединенное исторически сложившимися специфическими технологиями устойчивого земледелия, другими практиками жизнедеятельности, населяющего его людей, своеобразием культуры. Ландшафт иллюстрирует эволюцию сообщества территории, происходившую под влиянием неблагоприятных и/или благоприятных физических факторов естественной среды обитания человека, а также сменявших друг друга социальных, экономических и культурных факторов, как внутренних, так и внешних.

часть Вологодской области) и маргинальным (вся Архангельская область) сельскохозяйственным землям. Те исторические предпосылки, которые способствовали освоению этих земель как сельскохозяйственных угодий, утратили свое значение. Сельскохозяйственное производство в условиях значительного «импортзамещения», интенсификации, диверсификации и переноса своей производственной базы в более благоприятные климатические зоны привело к выведению на Русском Севере значительных площадей малопродуктивных сельхозземель из оборота.

Позиционная маргинальность заключается в степени удаленности сельских населенных пунктов от крупных городов (периферийность). Крупные города способствуют концентрации сельскохозяйственного производства в пригородных зонах, направляя его на удовлетворение собственных нужд. Поэтому там, где выше плотность городов и где они крупнее, шире ареалы относительного благополучия сельского хозяйства. Вдали же от городов возникают зоны аграрной депрессии, чему дополнительно способствуют суровые климатические условия и обширность северных территорий.

В маргинальных природных условиях выраженные пригородные агрозоны формируют средние города (от 50 тыс. жит.), в полумаргинальных – большие (от 100 тыс.). На территории Русского Севера города образуют компактные агломерации, которые не способны равномерно охватить своим влиянием всю сельскую местность. Таким образом, Русскому Северу свойственны сильные расселенческие контрасты: компактные очаги городских агломераций и сельских пригородных зон против обширной сельской периферии.

Основным демографическим порогом маргинальности, влияющим на характер сельской социальной среды, является плотность сельского населения на уровне 5 и менее чел./кв.км, полумаргинальности – 10 чел./кв.км. Средняя плотность населения на территории России составляет 8,5 чел./кв.км. В Вологодской области этот показатель даже несколько выше (8,7), однако высокая плотность от 10 до 70 чел./кв.км. характерна здесь только для урбанизированного южного ядра. В остальных районах плотность не превышает 4 чел./кв.км, что соответствует среднему показателю Архангельской области. В результате абсолютную часть территории Русского Севера отличает дисперсная система расселения. Падение плотности ниже 10 и тем более 5 чел./кв.км оказывается критичным для сельского хозяйства. В результате, по демографическому критерию население Русского Севера оказывается экономически недостаточным, а по природно-климатическому экономически избыточным. В действительности, качественный дефицит кадров на селе сочетается с количественным избытком незанятого населения трудоспособного возраста.

Предложенный анализ показывает, что абсолютному большинству территорий Русского Севера присуще сочетание природных, позиционных и расселенческих порогов маргинальности. Исключение составляют лишь пригородные зоны крупных агломераций, в которых происходит концентрация эффективного оварного сельскохозяйственного производства. В Вологодской

области к так называемым безнадежным и проблемным, в плане перспектив сельского хозяйства, можно отнести 69% районов Вологодской области (3/4 фактической территории), все они составляют региональную периферию. В Архангельской области с более суровыми природными условиями и меньшей плотностью населения депрессивные районы составляют уже 95% от их общего количества (99% территории). Если расценивать реформы 1990-х годов в российском обществе как «последнюю волну» модернизации, то окажется, что в сельских территориях она проявила себя как «демомодернизация». Распад колхозного хозяйства, безработица и прочие последствия реформ вернули деревню фактически к натуральному хозяйству. Сокращение товарного сельхозпроизводства ведет к общему сжатию освоенного, обитаемого пространства. Это одна из самых серьезных проблем Русского Севера. Сельское население северной периферии сокращается, коренных жителей в деревнях остается все меньше, их место занимают дачники. Все больше становится «пустых» деревень. За этим стоят не только зарастающие лесом поля, сенокосы, пастбища, но и изменение жизненного уклада населения, его образа жизни. Исчезновение локальных поселенческих анклавов, составляющих сельский культурный ландшафт Русского Севера влечет за собой невосполнимую утрату исторических корней.

Во втором параграфе «Три поколения жителей села: специфика социокультурной идентичности» на материале эмпирических данных анализируется социокультурная идентичность различных поколений жителей периферийных деревень Русского Севера, выявляются факторы и условия, определившие специфику поколенческих различий идентичности.

Выявлено, что *старшее поколение* в целом сохраняет тип идентичности человека традиционного общества как на уровне ее ценностно-смыслового ядра, так и в значительной степени на уровне элементов внешнего слоя. Общедеревенское «мы» абсолютно превалирует над индивидуальным «я». Деревенская групповая идентичность при этом строится на противопоставлении с другими деревнями, а границы проводятся через культурные маркеры (различия в одежде, утвари, манере пить и т.п.). Традиция нерелексивна, так как является «живой» (многие люди старшего поколения продолжают ремесленную традицию родителей, либо способны перевести ее из потенциальной в актуальную). Их сознание антиисторично и циклично, что находит свое выражение в нарративе (неспособность выстроить биографию, смешение временных пластов). Лексикон наполнен архаизмами и воспроизводит, в общем, крестьянскую картину мира, образ жизни: неопределенность существования (жизнь «на грани») – например, перманентная готовность к угрозе голода. Для них характерна особая ценность труда, и при этом – подозрительное отношение к просвещению и т.д.: «Не отпускали ведь учиться-то. Водиться надо, с 3 годов уж нянька, и пустыри корчила, да пряла. Нагие ходили!». Основу темпоральной организации их жизни задает ритм будней и праздников. Труд понимается как практика, связанная с телом и физическим усилием (характерное здесь слово «робить»), и воспроизводится в неразрывном единстве с социальным и культурным: «Вот я

считаю, сколько строчек на букваре, столько я ниток оттяну. Сколько букв в каком-то абзаце... так я и запрядывала букварь». Объектами социальной идентификации выступают первичные, непосредственного контактного общения группы. Социальная идентификация выполняет защитную функцию, реализуясь в удовлетворении базовых потребностей через принадлежность к указанным группам. Механизм идентификации старшего поколения имеет ярко выраженный ценностно-ориентационный характер, так как эта возрастная группа принадлежит к постфигуративной культуре, при которой передача социокультурного и жизненного опыта происходит от старших к младшим, обеспечивая воспроизводство традиции. Ядро социокультурной идентичности определяет ее ситуационный характер, при которой идентичность зависима от актуальной практики, среды обитания. Социальные механизмы работают без опосредования индивидуального сознания, поэтому представители старшего поколения не являются создателями своей идентичности (субъектами, в этом контексте). Внешний слой, связанный с практиками повседневности, определяет высокую степень адаптивности этого поколения к трансформациям среды через практики встраивания и приспособления к ней (но не приспособления среды под себя). Стратегии моральной экономики, навыков жизни сообща, применения натуральных форм хозяйствования, оказываются для этого поколения легко реанимируемыми. Поэтому представители старшего поколения сельских жителей оказываются наименее восприимчивыми к трансформации внешних условий и продолжают в значительной мере существовать в мире традиционной культуры, выступая носителями традиционного сознания.

Среднее поколение уже не сохраняет целостной традиционности. Ядро идентичности совпадает по ментальному содержанию с ядром старшего поколения, наследуя и ситуационную идентичность. Однако периферийная оболочка стала неоднородной: традиционные элементы ее структуры оказались дополнены модернистскими (в советском инварианте Модерна) когнитивно-нормативными темами (Секуляризация, Прогресс, Абстракция, Освобождение, Деньги). Например, в д. Логдуз представители этой возрастной группы рассматривают местную церковь не как сакральное «место», но культовое учреждение («для старушек»). Некоторые (не все) готовы помочь в ее восстановлении, но не через приложение собственного труда, а опосредованно – денежное пожертвование. Единое традиционное крестьянское пространство подвергается фрагментации и смысловой инверсии, культурное выделяется из социального (трудовые практики получают автономию от праздника, последний трансформируется в досуг). Клуб формирует новую схему, воспроизводящую городской театр, постановку с принципом противопоставления «сцена-зритель». Включения в ситуацию, участия в действе и как актера, и как зрителя одновременно (традиционный праздник предполагает смешение этих ролей) уже не происходит. Это приводит к существенной трансформации групповой деревенской идентичности: зритель всегда один, сопричастность к «мы» уже не возможна, а это шаг к

индивидуации – еще одной «теме», указывающей на приобщение к норме современности.

Попытка Советского государства сформировать государственно-гражданскую идентичность актуализировала новые для села объекты идентификации: вторичные («товарищ»), символические («партийный»), модернистские («трудовой коллектив» – отсюда, например, самоназвание «колхозники» в отсутствие самого колхоза) группы, сосуществовавшие с первичными. Функция идентификации остается защитной. В результате, при выборе между первичной (семья) и вторичной группой (например, школа или райком партии) индивид ищет поддержки скорее у последней. Это связано с тем, что культура данного поколения носит кофигуративный характер, когда ценностные ориентиры передаются уже не от старших представителей первичных групп, а формируются в среде сверстников, либо заимствуются у старших представителей вторичных и модернистских групп.

Размывание традиции, и в то же время, ее смешение с элементами современности, привели к фрагментированию подвижной «внешней оболочки» идентичности, элементы традиции и современности боролись-вытеснялись-сосуществовали, но не дополняли друг друга. В условиях стабильной социальной среды, патерналистской государственной политики, такая идентичность оказывалась не проблематичной. В период же резких и перманентных перемен людям с такой идентичностью оказывается сложно адаптироваться к дезорганизованной внешней среде. Групповая идентичность не находит теперь своего подтверждения не в совместном труде, не в традиционном деревенском празднике. Социокультурная идентичность среднего поколения в силу ее эклектичности, нецельности, становится менее гибкой для адаптационных нововведений. Это связано и с тем, что кофигуративной культуре не хватает глубины и разнообразия практик приспособления к неблагоприятной внешней среде, как в постфигуративной культуре. В результате, среднее поколение реализует стратегию *выживания*, пассивной адаптации, не связывая надежды на будущее с сельским социумом. Адаптационные стратегии по отношению к использованию имеющихся ресурсов носят краткосрочный характер, ориентируясь на «выталкивание» детей в города.

В этой возрастной категории диссертант выделяет небольшой слой с переходным типом идентичности от ситуационной к трансверсальной (в основном, среди сельской интеллигенции). Эти люди воплощают в себе такие характерные черты модерна советского образца как дисциплина и самоконтроль. Они и сегодня продолжают жить в соответствии с советской нормой, в советской реальности, противостоя процессу дезинтеграции и демодернизации сельского социума. В результате, личность с трансверсальной идентичностью, вступая в противоречие с интересами сельской общности, почти неизбежно оказываются для деревни маргинальной, а сам человек испытывает внутренний дискомфорт от разрыва с общедеревенским «мы». Отношения этих людей с окружающими приобретают все более конфликтный

характер. Это свидетельствует о том, что идентификационные притязания таких личностей не вписываются в общий фон укоренившейся аномии.

Младшее поколение сельских жителей в структуре своей социокультурной идентичности сохраняет базовое ценностное ядро традиционной культуры, определяя также как в старшем и среднем поколении, ситуационный характер идентичности. Например, при том, что школьники выделяют категории «старое»-«новое», в составленном ими «Словаре устаревших слов» мы наблюдаем фактическое неразличение современных и устаревших слов (в одном ряду: баять, око, скалина, койка, обабки и занавеска), в краеведческих работах наличествует смешение исторических эпох, осовременивание истории, что указывает на архаичность организации памяти. Хотя совершенно утрачен религиозно-смысловой контекст действия, однако молодежь ряда северных деревень продолжает традицию святочных вечеров – т.н. «заваливание».

Подвижная оболочка идентичности, сохраняет лишь осколки традиции, отдавая приоритет темам современности. В этом смысле, сельская молодежь максимально приближается по своей ценностно-когнитивной модели поведения к городским сверстникам. Для типа культуры этого поколения, который мы отнесем к *полной кофигурации*, свойственно, что молодежь, не находя примера в поведении своих родителей⁶, чей опыт представляется как почти исключительно негативный, вынуждена всецело ориентироваться либо на своих сверстников, либо на нормы извне (транслируемые образцы массовой культуры), которые могут дать им чувство принадлежности к другой группе. Полная кофигурация возникает там, где те, кто служит примером, всего на несколько лет старше тех, кто у них учится⁷. Группа, с которой молодежь себя отождествляет – прежде всего, городская молодежь. Сельский социокультурный ландшафт молодого поколения представляется сквозь призму «нормальной» городской среды, а собственное культурное поле воспринимается как квазисреда, отклонение от нормы. Городская среда не воспринимается сельской молодежью однозначно положительно, но сам факт, что описание деревенской специфики проводится через сопоставление с городской атрибутивной системой, свидетельствует, что город для молодежи – центральное когнитивное образование, через которое классифицируется и распознается остальной мир, в том числе и сельский. Если для старшего и среднего поколений основа междеревенского проведения границ, как мы отметили, – ценностно-символические реалии жизни, уходящие корнями в традиционный крестьянский мир, то сельская молодежь при сопоставлении деревень ориентирована давать оценку, прежде всего, уровню развития

⁶ Если симптомом возросшей отчужденности (самостоятельности) детей от родителей в 1960-е гг. стало утверждение нуклеарной семьи, то в 1990-е гг. она находит свое дальнейшее развитие в повсеместном распространении в деревенских избах перегородок, делящих единое пространство на комнаты.

⁷ Этим объясняется факт транзитивности упомянутой традиции «заваливания». Парадоксально, но одной из причин того, что эта традиция дошла до современности, является ее воспроизводство именно в рамках самой молодежной группы.

социальной инфраструктуры своего и чужого села, объекты которой, по сути, – агенты городского образа жизни.

В виду того, что диффузия традиции и современности в структуре социокультурной идентичности молодежи является уже не эклектичной, а синкретичной, образуя единое целое, способность к адаптации младшего поколения будет одинаково высокой и в городской и в сельской среде. Однако, если город выступает в качестве желаемого и перспективного «центра», то село рассматривается в качестве вынужденного и временного «отступления», реализуемого в случае недостатка тех или иных ресурсов для осуществления миграции⁸.

В случае миграции, сельская молодежь, неся с собой ментальное культурное ядро, архаизирует городское социокультурное пространство, привнося в него когнитивные структуры традиционного общества. Культурная диффузия сельского и городского ценностно-нормативных пространств, проявляющаяся во взаимонаправленном движении процессов урбанизации – рурализации, способствует постепенному складыванию социокультурной однородности село-городского континуума. Модернизация деревни, вымывающая молодое сельское поколение, таким образом, оборачивается архаизацией городской повседневной и социальной среды. Так называемая «малая» традиция на протяжении всего процесса советской, а теперь и российской, урбанизации, пополняя город сельским населением, нивелирует «большую» традицию (письменную, рефлексивную). В этой связи ментальность российского социума, как и его идентичность, не может быть понята, адекватно описана и объяснена вне контекста особенностей сельской, а еще раньше, крестьянской ментальности и идентичности, которые выступают ценностно-смысловым ядром уже в масштабе социокультурной идентичности всего российского социума.

В результате, автор показал, что при сохранении в структуре социокультурной идентичности сельских жителей общего базового традиционалистского ядра, поколения обладают и идентификационной спецификой, находящей воплощение в разнице жизненных стратегий и неодинаковой способности к адаптации. Кроме того, итогом произошедшего разрыва преемственности между сельскими поколениями, в условиях возрастающей дезорганизации социально-экономического контекста, стала возрастающая архаизация и конфликтизация деревенской жизни. Это проявляется в утрате уважения к старшим и учителям, увеличении аморальных поступков, которые уже *не удивляют*. Девиантное поведение, получив широкое распространение, перестало быть таковым, превратилось в норму («а сейчас что уж осуждать, если все»). Социальные отношения утратили прежнюю прозрачность и ясность, доверие человека к человеку ставится под сомнение.

⁸ Школа и клуб, по сути, являющиеся агентами городского влияния на сельскую молодежь, и в сегодняшнем селе ставшие центрами, в которых и происходит межпоколенческая коммуникация, парадоксальным образом способствуют последующему вымыванию из деревни этой молодежи (успешной в учебе и не успешной), тем самым, приближая свою собственную ликвидацию.

Мнение соседского сообщества не просто утратило умиротворяющую, цивилизующую силу, оно исчезло как таковое. Сельская действительность характеризуется возникновением новых зон напряжения или отчуждения между людьми: бывшими колхозниками и сельскими «бюджетниками», трудоспособными и пенсионерами. Конфликты становятся более жестокими и неконтролируемыми.

В заключении обобщаются результаты эмпирического анализа особенностей социокультурной идентичности трех поколений сельских жителей Русского Севера. Автор формулируется прогноз относительно тенденций дальнейшего развития периферийной северной деревни и эволюции сельского социокультурного ландшафта.

Как показывают экономические исследования, деградация сельскохозяйственной сферы и сокращение занятости на пространстве северной сельской периферии неизбежны. Население здесь оказывается экономически избыточным. Другие, кроме сельхозпроизводства, виды занятости, в том числе, деревообрабатывающая отрасль, не способны вместить все наличные людские ресурсы. Кроме того, среди сельского населения усиливаются проявления социальной патологии. Диссертант полагает, что выявленные, на основе анализа социокультурной идентичности, жизненные стратегии сельских жителей (старшее поколение – относительно комфортное «доживание», среднее – конфликтное «выживание», а для младшего – ориентация на миграцию в город) в условиях периферии Русского Севера, будут способствовать неуклонному сокращению численности населения. Со временем подобные тенденции превратят северную сельскую периферию в маргинальную территорию с крайне низкой плотностью населения, заселенную преимущественно людьми пожилого возраста. Функционально северное село будет обслуживать лесную отрасль и рекреационные потребности горожан.

Динамика трансформации социокультурной идентичности от поколения к поколению, показывает, что наряду с территориальным сжатием освоенного сельского пространства, будет происходить и утрата традиционного социокультурного ландшафта, даже на территориях, где сохранится «остаточное» сельское население. С уходом из жизни старшей возрастной группы традиционное сознание и соответствующие ему социальные практики окажутся фактически утраченными, поскольку они не восприняты последующими поколениями. Есть реальная перспектива образования иного *социокультурного* ландшафта, мало отличного по своей сущности от городского. Сгладить, но не предотвратить, утрату традиционного ландшафта возможно через развитие в сельской местности новых форм занятости населения, способных сохранить традицию через ее рефлексивную реконструкцию: например, проведение ярмарок, создание фольклорных коллективов, развитие инфраструктуры сельского туризма. Необходимо подчеркнуть, что подобные меры не воспроизводят традицию, так как «живая» традиция нерелексифицируема и вырастает из обычной сельской жизнедеятельности: в традиционном обществе экономическое, социальное и

культурное не вычленены в самостоятельные сферы. Однако это может позволить репрезентировать *освоенную* традицию в условиях ее *естественной* природной и бытовой среды, а сельским жителям предоставить возможность занятости в привычных социальных координатах. Сохранение деревенского ландшафта, даже через имитацию традиции – это проект, имеющий безусловную культурную значимость, способ сохранения национальной идентичности. Задача экономической окупаемости здесь вторична, а значит, регулирующая и субсидирующая роль должна принадлежать региональным и государственным административным структурам. Подобные проекты уже реализуются по отношению к коренным малочисленным народам Севера (например, в Ямало-Ненецком автономном округе). Русский Север пока остается вне зоны внимания. При этом, как отмечают этнографы и антропологи, крестьянские формы хозяйствования и культуры русского этноса стремительно уходят в прошлое. Таким образом, можно ожидать сужение пространства северной сельской периферии не только в физическом смысле, но и «отмирание» прежнего социокультурного ландшафта в смысле психологическом, идеологическом, ментальном, через распространение идентичных с городом культурных образов. Остаются лишь реликтовые островки культуры Русского Севера. Основная часть этого пространства перестает быть традиционной в своей целостности, утрачивает изначальное родство с населяющими его людьми, находящимися в постоянном с ним единстве. Пространство становится не субстанционально, а функционально, поскольку выполняет экономическую (например, сельский туризм) и культурную (рекреационную для горожан) функции в их разобщенности.

В то же время, набирающая темпы унификация мира, известная как процесс глобализации, способствует появлению новых для сельских жителей перспектив, способных соединить экономический, культурный и социальный аспекты жизни в их целостности. Так, в ответ на экспансию массового продукта (товары и услуги), в промышленно развитых странах все большим спросом начинает пользоваться уникальная/авторская/ремесленная продукция (не сувениры, а именно предметы, сочетающие практическую значимость и культурно-эстетический капитал). Ремесло как деятельность, предполагающая авторскую работу с минимальным разделением труда, вновь актуализируется в современных условиях пресыщения «технологическим ширпотребом». Российская экономика, зачастую не способная конкурировать в области создания рыночных брендов, могла бы найти точки роста в сельской местности. В то время, как современный западноевропейский «rural» уже не способен восстановить традицию, в российской глубинке еще сохраняется унаследованный опыт уникальных ремесленных практик. Другое дело, что внутренний российский рынок (и потребитель) еще не готов востребовать данный продукт.

Подводя итог, следует отметить, что авторская исследовательская позиция не сводится к простому сожалению об окончательно уходящей в историю, вместе с ее носителями – людьми, крестьянской культуре. Трансформация деревенской жизни, а значит и культуры, приближение ее к

стандартам городской нормы (или включение в нее), со всеми негативными последствиями очередного витка модернизации – такой же объективный и неумолимый процесс, как и возрастающая интеграция человечества в целом. К тому же традиционная культура, как стремился показать диссертант, не исчезает совсем, но сохраняет ценностное ядро или претерпевают смысловую инверсию. Вопрос состоит в том, какие конечные цели ставит перед собой общество и какую цену оно готово заплатить для их достижения. Если исходить из сугубо экономической прагматики, то у северного села нет перспектив и оно обречено на исчезновение (в своей социокультурной уникальности, а впоследствии и в качестве освоенной территории). Узко прагматические ориентации только на экономическую эффективность регионов не стратегичны. Мы имеем шанс получить невосполнимые культурные утраты. Выхолащивание культурного содержания из социального контекста приводит к «опустошению» идентичности, формированию поколений, лишенных исторической памяти, отлученных от традиции. Исчезновение социокультурного ландшафта северной периферии России – этап на пути трансформации самой России в периферию мирового масштаба.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Творогов А.Е. Кризисное состояние современного северного села и проблема трансформации идентичности // Вопросы гуманитарных наук, 2005, №4 (19), С. 329-331.
2. Творогов А.Е. «Общность» или «общество»: к вопросу трансформации современного села (на примере отдельной вологодской деревни) // Языки родной культуры. – Вологда: Книжное наследие, 2005. – С. 135-146.
3. Творогов А.Е. Российская идентичность: традиции и современность // Гуманитарные технологии и глобальное лидерство России. Сборник статей по итогам Летней школы аспирантов / Под общ. ред. А.Е. Волохова. – М.: НИ «ВШУ», 2005. – 74-76.
4. Творогов А.Е. Российское село в условиях глобализации // Вопросы гуманитарных наук, 2005, №4 (19), С. 332-333.
5. Творогов А.Е. Социокультурный ландшафт современной сельской периферии Русского Севера // Региональная социология: состояние, проблемы, перспективы. Материалы международной научно-практической конференции. (2-3 июня 2005 г., г. Горки) / Под общ. ред. А.Р. Цыганова, А.Н. Данилова. – Горки: БГСХА, 2005. – С. 142-144.

Отпечатано в ООО «Компания Спутник+»

ПД № 1-00007 от 25.09.2000 г.

Подписано в печать 14.11.05

Тираж 100 экз. Усл. п.л. 1,63

Печать авторефератов (095) 730-47-74, 778-45-60

№ 22364

РНБ Русский фонд

2006-4

26787